

убежищ. Вырубались они частично вручную, в полной темноте. Рабочие обматывали белой тряпкой свою руку, в которой держали кайло, чтобы было видно. Зажигать свет запрещалось, чтобы не демаскировать эти места перед американской авиацией.

После этой экскурсии мы вернулись в здание заводоуправления, договорились, когда на следующий день начнём работу, и поехали обратно в гостиницу. Ехали уже веселей, переводчица всю дорогу рассказывала о долине, по которой мы ехали. Оказывается, эта долина была любимым местом товарищей Ким Ир Сена и Ким Чен Ира.

Когда мы приехали в гостиницу, переводчица предупредила, что выходить за территорию нам не рекомендуют, потому что можно «заблудиться» в горах.

Воздух здесь — необыкновенный, а к вечеру стали различаться запахи воды, сосен и ещё каких-то цветов. Было тепло, и я раздвинул стенку с выходом на веранду. Зажёл настольную лампу и лёг на кровать. Всё же целый день на ногах, да ещё в непривычном климате. Незаметно задремал и проснулся глубокой ночью, от реки веяло прохладой. Пришлось встать, закрывать стену и ложиться спать уже капитально.

В следующие дни мы засели за бумажную работу. Надо отдать должное, корейские товарищи привозили все необходимые документы по первому же запросу. На второй день привезли корейскую пишущую машину (невозможно назвать её в уменьшительной форме «машинка»). Это была действительно машина, которая печатала иероглифами!

Приехали две девушки-комсомолки для печатания документов. Как принято в международной практике, каждый лист печатался на двух языках. Если это был русский документ, переводчица переводила его на корейский язык, если это был корейский документ, то на русский. Толь-

В этот же вечер к нам в гостиницу приехал какой-то военный в штатском. Я вечером вышел во двор подышать воздухом и увидел японскую машину — джип. У нас в СССР тогда ещё не было таких машин, и она меня заинтересовала, стал ходить вокруг, рассматривать. Вдруг из сторожки вышел военный и знаками предложил мне отойти от машины. Жаль, не удалось посмотреть как следует. Но интерес остался, и вечером я спросил у переводчицы, что за странные номера у машин? Оказалось, что машину в Северной Корее купить нельзя, их правительство только дарит отдельным товарищам за те или иные заслуги. Такие подарки приурочиваются к дням рождения Ким Ир Сена или Ким Чен Ира. Тогда номер будет означать день, месяц и год их рождения. Поэтому когда машина едет, то можно знать, чей это подарок. Это уже потом, когда мы были в Пхеньяне и ехали на машине министра, я обратил внимание, что постовой полицейский отдаёт честь нашей машине!

Наконец текст Акта был подготовлен и секретарь посольства сообщил, что делегация приедет в такой-то день, встречайте. Вот этот корейский товарищ «в штатском», оказывается, приехал для того, чтобы организовать эту встречу.

Через несколько дней приехала государственная комиссия. Опять все вместе поехали на завод, прошли по станочному цеху (в остальные нас уже просто не взяли) и вернулись в гостиницу. В зале уже были подготовлены столы для подписания. К вечеру комиссия вернулась, и мы в торжественной обстановке подписали Акт приёмки завода. Потом был небольшой фуршет, а назавтра корейские товарищи пригласили нас всех на шашлыки на природе (видимо, уже узнали о наших традициях).

На шашлыках в Долине тысячи водопадов.

ших народов, тем более, говорю, что я сам с Кавказа и у нас, говорю, такие же горы, такие же реки. И даже камни, на которых мы сидим, такие же, как у нас на Кавказе! Выпили за мой тост, а я говорю, что хотел бы взять что-либо на память. Вот, хотя бы этот блестящий камушек. Ну и беру с берега, действительно красивый, блестящий камушек и кладу его в карман. Выпили ещё за что-то, потом ещё за что-то. Конечно за успешную работу завода, чтобы там всё крутилось, как надо, и делалось то, что нужно...

Днём нас повезли смотреть музей подарков Ким Ир Сэну, там мы провели весь день. Что это за музей — отдельное повествование.

На следующий день секретарь посольства нашёл меня, и мы стали советоваться, как нам возвращаться домой. Если лететь иностранным, проходящим самолётом, то сажать нас будут на свободные места, и мы не все сможем улететь за один раз. Если немного подождать, то прилетит наш, аэрофлотский самолёт, который будет возвращаться почти пустой, с почтой. Но тогда мне в нагрузку присоединят группу специалистов с Ульяновского автозавода, которая тоже возвращается в СССР. Мне это понравилось, хотя это создавало дополнительные хлопоты. Да что там — где десять человек, там ещё лишний десяток не помеха!

Договорились, что день-два мы будем ждать уже в Пхеньяне. Пора собирать вещи и ждать автобус. Вот тут я в кармане пиджака обнаружил тот самый камушек с берега. Как я о нём забыл? Переложил его в чемодан и снова забыл.

Через день-два за нами приехал автобус, и нас привезли в Пхеньян. Время в городе пролетело совершенно незаметно, я уже и не помню, сколько мы там были. Нас водили на экскурсии по городу, показывали метро. В министерстве торговли организовали встречу с директорами заводов. Были на концерте какой-то корейской певицы. Молодая девушка, лет 20–25, с очень красивым голосом, замечательно исполняла народные корейские песни. Очень красиво, и самое главное, это было самобытное, национальное искусство! Повели нас и в посольский городок, мы побывали в нашем советском посольстве. В общем, время прошло как-то незаметно.

Через несколько дней нас повезли в аэропорт. Здесь нас уже ждали. Делегация от Ульяновского завода оказалась достаточно большая. Когда мы — я и моя переводчица — собрали паспорта и билеты у всех, оказалась внушительная пачка. Затем наши вещи повезли на контроль. Перед этим я вынул катушку с плёнкой из фотоаппарата, подумал, что, когда будут пропускать чемодан через рентгеновский аппарат, плёнку засветят. И хорошо сделал! А то бы сейчас не было этих фотографий. Самолёт, кажется Ту-154, уже стоял под посадку пассажиров, и в окно зала его было хорошо видно. Пришла стюардесса и стала ожидать, когда принесут билеты и вещи.

Принесли документы, и я стал их раздавать. Раздал всем — и своим, и чужим, а моему паспорту не оказалось! Переводчица побегала к администратору выяснять, в чём дело, а стюардесса повела всю нашу группу на посадку. Я стою один в огромном зале, никого нет. В окно вижу, как мои товарищи поднимаются по трапу в самолёт. А я

стою, «позабыт, позаброшен». Какое-то хорошее чувство стало закрадываться в душу... В это время вижу, что трап откатывают от самолёта, и пилот закрывает дверь. Кричать «А я, меня же возьмите!» — бесполезно, не услышат. Прошло немного времени, которое показалось вечностью! Вдруг вижу, дверь самолёта снова открывается, и пилот даёт знак подать трап. Его подкатывают, и пилот направляется к зданию аэровокзала. Я всё это вижу, а вокруг меня никого нет! Пусто, я один!

Вдруг в дальнем углу зала открывается дверь, и моя переводчица бежит ко мне с моим паспортом в одной руке и моим чемоданчиком в другой. Как-то стало жарко, ноги сразу обмякли, еле стою. Подбегает и извиняется. Когда пачку паспортов клали на стол, один паспорт, именно мой, соскользнул и упал за стол, еле нашли! В это время подошёл пилот, взял мой паспорт и чемоданчик и буквально под руку повёл меня к самолёту. И хорошо сделал, видимо, сам я не дошёл бы!

Взлетели, и тут все мои попутчики окружили меня, стали спрашивать, что случилось. Видят, что мне плохо, стали доставать бутылки с корейской водкой. Стюардессу попросили что-либо из закуски. Она, зная наши обычаи, достала банку селёдки и чёрный хлеб, чего мы не видели почти месяц! Вот только теперь я расслабился. Все, конечно, переживали за меня! А потом подошла стюардесса и рассказала, что командир корабля доложил в наше посольство, что один пассажир не прошёл на посадку. Доложили нашему послу, а он тут же дал указание не взлетать до тех пор, пока не выяснит, где этот отставший пассажир, то бишь, я! А нашим послом в Корейской Народно-Демократической Республике в то время был Андрей Карлов! Вот так, видимо, с его подачи сразу же «нашли» мой паспорт! Неизвестно, что было бы со мной, не дай он указание не взлетать!

P.S.

Когда мы прилетели в Москву и я вышел на работу, надо было составить отчёт о проделанной в Северной Корее работе и доложить руководству. Я сделал небольшой альбом с фотографиями. Хорошо, что кассету с плёнкой я привёз в кармане! Министру альбом очень понравился. Он у меня до сих пор хранится.

А когда я рассказывал нашим «товарищам в штатском» о своей работе в Северной Корее, тут-то и выяснилась самая главная изюминка. Я получил серьёзный устный выговор! Оказывается, по результатам химического анализа того самого камушка можно было очень много узнать о составе урановых пород. Действительно, в верховьях той самой Долины тысячи водопадов находились урановые рудники! Поэтому-то ко мне с этим камушком было выказано столько внимания. Кто же знал! А тот самый злосчастный камушек у себя дома в чемодане я уже не нашёл. Куда он делся, не знаю, но догадываюсь. Обещанная книга «Учение чучхе» мне не досталась. Дали какое-то выступление Ким Ир Сена, да и то без автографа. Ну и на том спасибо!

Фото предоставлены автором

Фасад здания гостиницы, где жили советские специалисты.

ко тогда, когда на двух столах образовались две огромные пачки документов, схем, графиков, можно было начинать писать основной Акт приёмки.

Тут наступило самое интересное. Акт составляли по частям: технолог делал технологическую часть, энергетик — свою, станочник — свою и так далее. Каждый написанный лист переводчица тут же переводила на корейский язык. Машинистки печатали этот лист, а потом переводчица мне переводила текст на русский язык, а я сверял его по нашему тексту. И так каждый лист! Отработанные таким образом листы я складывал в отдельную папку и вечером отдавал дежурному, который при мне укладывал в сейф, а я опечатывал его дверцу своей печатью. Работа была очень трудоёмкой, потому что приходилось считывать тексты на разных языках. Иногда даже приходилось вызывать корейских инженеров для того, чтобы они дали такую формулировку на корейском языке, которая лучшим образом соответствовала бы русской формулировке. Каждый отработанный таким образом лист подписывался корейским директором и мною. В посольство я не звонил, чего беспокоить, мы целыми днями были дома. Но оно (посольство) само позвонило. Сообщили, что через несколько дней прилетает руководство из Москвы для подписания Акта приёмки. Так что нужно форсировать работу.

На следующее утро приехало ещё несколько машин и автобус, и мы всей компанией поехали опять вверх по ущелью. Место, видимо, уже было подготовлено заранее. На пологом берегу реки был положен брезент, горел костёр, стояли коробки с корейской водкой и ещё с какими-то закусками и травами. Тут надо отметить, что шашлыки были не как наши. Дело в том, что по-корейски мясо для такого шашлыка режут тонкими ломтиками и погружают в кипящее масло. Потом оно подаётся с различными соусами, было очень вкусно! А вот корейская водка нас удивила. В каждую бутылку было что-то положено: в одних это был корень женьшеня, в других змея, в-третьих какой-то камень! Я уже не помню всего всего разнообразия. Пока повара готовили, нас пригласили пройти по знаменитой тропе Ким Ир Сена. Вот это было удивительное путешествие! Конечно, до вершины мы не дошли, но прогулялись среди скал и водопадов очень здорово. Недаром эту долину называют Долиной тысячи водопадов.

Когда мы вернулись, всё уже было готово, и началась неофициальная часть. Могу сказать, что мы, русские, были гораздо крепче корейцев или, может, их водка была по сравнению с нашей несколько слабее — трудно сказать. Мы были в самый раз, а корейцы уже находились «в состоянии среднего подпития». И вот тут меня как-то разобрало и потянуло на мировое братство. Я решил поднять тост и выпить за братство и дружбу на-